

Василиса Яровая

ГОСТИНИЦА
МЕЖДУ МИРАМИ

Гостиница Между мирами

Улица Трёх Лун. Книга третья

Василиса Яровая

Гостиница между мирами

<https://litres.ru/74628183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я мечтала только об одном — наконец-то выспаться. Но у судьбы оказались другие планы!

Восемь лет я управляла роскошной гостиницей. Потом потеряла мужа, работу и всё, что имела. А когда наконец расплатилась с чужими долгами, неожиданно получила наследство.

Старинную гостиницу на загадочной Улице Трёх Лун!

Вот только вместо прибыльного дела меня ждали прохудившаяся крыша, пустая казна, таинственный постоялец в несуществующем номере и двери, ведущие в другие миры.

Ничего, справимся! Отремонтирую здание, найму персонал, наведу порядок и заставлю гостиницу процветать. Даже если ради этого придётся разобраться с древней магией!

Но есть одна маленькая проблема: гостиница обязана принимать каждого, кто постучится в её двери.

Даже тех, кому лучше оставаться по ту сторону миров

Уютное бытовое фэнтези, взрослая находчивая героиня, волшебная гостиница, необычные постояльцы, загадочный мужчина и второй шанс на счастье!

Последняя кница в цикле "Улица трех лун". Надеюсь, вам понравилось)

Содержание

Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Тридцать две комнаты	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василиса Яровая

Гостиница между мирами

Глава 1. Наследство

Последний долг я отдала во вторник, в одиннадцать сорок утра, в конторе ростовщика Жерома Лафита на Суконной улице.

Сорок две кроны и семь серебрушек. Я пересчитала их дважды дома, один раз — на лестнице перед дверью конторы и ещё раз, уже вслух, на столе перед господином Лафитом, который смотрел на меня поверх очков с таким выражением, будто я принесла ему не деньги, адохлую мышшь в коробке из-под конфет.

— Сорок две кроны, семь серебрушек. Основной долг и проценты за последний месяц. Расписку, будьте так добры.

Господин Лафит пересчитал. Медленно, послунявив палец. Монеты он складывал столбиками по десять, и столбики выходили кривые, и меня это раздражало так, что пришлось сложить руки на сумочке, чтобы не поправить.

— Всё, госпожа Вейн, — сказал он наконец. И впервые за два года посмотрел на меня не как на должника, а как на человека. С некоторым удивлением. — Признаться, не думал, что вы управитесь. Покойный господин Вейн оставил... вну-

шительную сумму.

— Шестьсот восемнадцать крон. Без процентов.

— С процентами — больше.

— С процентами — семьсот четыре кроны и три серебрушки. Я знаю. Я считала.

Он выписал расписку. Я прочитала её целиком, включая мелкий шрифт внизу о том, что «претензий стороны друг к другу не имеют», сложила вчетверо и убрала во внутренний карман пальто. К сердцу. Не из сентиментальности — там было надёжнее всего.

Потом вышла на Суконную, остановилась посреди тротуара и постояла.

Был конец капли. Мокрый, серый, ветреный день, какие бывают в Лавье, когда весна уже пришла, но ещё не решила, остаётся ли. С крыш капало. Мимо проехала телега с бочками, обдав мне подол брызгами. Мальчишка-газетчик кричал что-то про королевский указ о пошлинах. Пахло рекой, мокрой шерстью и свежим хлебом из булочной на углу.

Я стояла и ждала, что почувствую.

Облегчение. Радость. Гордость, в конце концов. Два года. Семьсот четыре кроны. Дом на Липовой аллее, проданный за полцены. Мебель, проданная за четверть. Мамины серьги. Наши с Жюльеном обручальные кольца — его и моё, вместе, одним лотом, ювелиру на Золотой улице, который долго вертел их в пальцах и сказал: «Гравировка снижает цену, госпожа. Её придётся стачивать». Я сказала: «Стачивайте».

Два года я вставала в пять, ложилась в час, работала в трёх местах сразу, ела то, что не требовало ни денег, ни времени, и ни разу — ни разу — не позволила себе сесть и подумать о том, что случилось. Потому что если сесть и подумать — встать будет уже невозможно.

Теперь всё. Долгов нет.

Я стояла на Суконной и ждала.

И не чувствовала ничего. Только усталость. Огромную, тяжёлую, серую, как этот весенний день. Как будто два года я несла на спине мешок с камнями, а теперь сняла его — и обнаружила, что спина так и не разогнулась.

Я поправила шляпку. Застегнула верхнюю пуговицу пальто. И пошла устраиваться на работу.

* * *

«Корона» стояла на Королевской набережной, сороковой номер, там, где набережная делает плавный изгиб и с террасы видно и реку, и Мостовую площадь, и шпиль ратуши. Пять этажей светлого камня. Сто двенадцать номеров. Ресторан на сорок столов. Бальный зал. Зимний сад с пальмами в кадках, которые мы с Жюльеном выписывали с юга, и которые каждую зиму пытались умереть, и я каждую зиму их спасала.

Восемь лет я управляла «Короной». Жюльен был владельцем — вернее, совладельцем, вместе с двумя компаньонами, — и лицом. Он встречал гостей, он улыбался, он помнил, кто из графов предпочитает номер с видом на реку, а кто — на

площадь, он умел рассказать анекдот так, что смеялась даже вдовствующая герцогиня Монфор, которая не смеялась, по слухам, с коронации. А я делала всё остальное.

Всё остальное — это бельё, кухня, счета, персонал, жалобы, протечки, поставщики, налоги, крысы в подвале, пьяный барон в двадцать третьем, сбежавший повар, сгоревший пирог на свадьбе, королевская инспекция, разбитое зеркало в бальном зале и ещё примерно десять тысяч вещей, о которых гости никогда не узнавали. Потому что я делала так, чтобы они не узнавали.

После смерти Жюльена его долю забрали кредиторы. Компаньоны продали «Корону» за три месяца. Новый владелец — торговое товарищество с длинным непонятным названием — уволил половину персонала, включая меня. Вежливо. С выходным пособием, которое ушло на проценты Лафиту за один месяц.

Теперь я шла туда снова. Потому что в «Короне» открылась вакансия. Старшая горничная. Я прочитала объявление в газете три дня назад и три дня не могла решиться. Старшая горничная — в гостинице, которой я управляла. Отвечать перед людьми, которых я когда-то нанимала.

Но это работа. Нормальная работа. С жалованьем, с комнатой при гостинице, с выходным раз в неделю. Восемь часов сна. Может быть.

Я вошла через служебный вход. По привычке. Потом спохватилась — старшая горничная тоже входит через служеб-

ный, так что всё правильно.

Внизу, у кастелянской, пахло крахмалом и лавандовой водой. Так же, как при мне. Я закрыла глаза на секунду. Вдохнула.

— Вам кого? — спросил чей-то голос.

Я открыла глаза. Передо мной стоял молодой человек в тёмном сюртуке, с напояженными волосами и папкой под мышкой. Лицо незнакомое.

— Я по объявлению. Старшая горничная. Александра Вейн.

Молодой человек открыл папку. Пролистал. Остановился. Поднял на меня глаза — и я увидела, как в них что-то изменилось. Он узнал фамилию.

— Вейн. Вы... бывшая управляющая?

— Да.

— Ах, — он закрыл папку. — Видите ли, госпожа Вейн... место уже занято.

— Объявление вышло три дня назад.

— Его заняли вчера.

— Объявление висит у входа до сих пор. Я видела, когда проходила.

Молодой человек покраснел. Чуть-чуть. Ушами.

— Видите ли, — сказал он снова, и я поняла, что это его любимое выражение, и что он сейчас будет врать, — новое руководство... предпочитает не брать на работу бывших сотрудников прежнего... руководства. Чтобы избежать...

неловкости.

— Чьей неловкости?

— Общей, — сказал молодой человек. И, подумав, добавил: — Я лично очень сожалею.

Я посмотрела на него. Спокойно. Тем взглядом, который за восемь лет в «Короне» отработала до совершенства, — взглядом, после которого пьяные бароны вспоминали, что они в общественном месте, а повара переставали швыряться сковородками.

Молодой человек сглотнул.

— Будьте так добры, — сказала я очень вежливо. — Передайте новому руководству, что пальмы в зимнем саду нужно поливать отстоянной водой. Не из водопровода. В водопроводе известь. Если поливать из водопровода, через месяц у них пожелтеют листья, а через два они умрут. Это южные пальмы, они стоили триста крон за кадку, и заменить их до осени не получится.

Молодой человек открыл рот.

— И в двадцать третьем номере, — продолжила я. — Подтекает радиатор. Внизу, у самого пола, под подоконником. Это не видно, если не знать. Но если не подтянуть муфту до конца капли, вода уйдёт в перекрытие и испортит потолок в бальном зале. Лепнину. Ей девяносто лет, — я поправила перчатку. — Всего доброго.

И вышла. Через служебный вход.

На набережной я остановилась. Облокотилась на парапет.

Посмотрела на реку — серую, вспухшую от весенней воды, несущую ветки и льдины.

Я не плакала. Я не плачу. Я разучилась два года назад, на парадной лестнице «Короны», когда Жюльен вдруг остановился на середине пролёта, схватился за перила, сказал «Саша, мне что-то...» — и не договорил.

Я просто стояла и смотрела на реку.

Ладно. Есть ещё «Белый лебедь» на Торговой. Есть «Приют путника» у Северных ворот. Есть, в конце концов, меблированные комнаты вдовы Пуаре, где требуется экономка. Я буду ходить. Я найду. Я всегда нахожу.

Только сначала посплю. Немного. Хотя бы ночь. Восемь часов.

* * *

Письмо ждало меня дома.

«Дом» — это комната на четвёртом этаже доходного дома на Кривом переулке. Двенадцать квадратных шагов. Кровать, стол, стул, умывальник, сундук. Окно во двор-колодец, куда солнце заглядывает на сорок минут в день, с двух до двух сорока, если нет облаков. Я платила за неё две серебряшки в неделю и ни разу не опоздала.

Письмо лежало на полу под дверью. Его, видимо, просушили в щель.

Плотная бумага, кремовая, дорогая. Сургучная печать — тёмно-синяя, с оттиском, которого я не разобрала: что-то вроде двери или арки. Адрес написан мелким, ровным по-

черком с завитушками:

«Госпоже Александре Вейн, урождённой Сорель. Кривой переулок, 7, комната 14».

Урождённой Сорель.

Я не слышала этой фамилии лет пятнадцать. С тех пор как вышла замуж. Мама умерла, когда мне было двадцать; бабушка — ещё раньше. Сорели кончились на мне. Мне и в голову не приходило, что кто-то о них ещё помнит.

Обратный адрес: «Д. Вель, нотариус. Улица Трёх Лун, 2».
Улица Трёх Лун.

Я села на кровать. Не снимая пальто.

Я знала это название. Все в Лавье знали. Это была та улица, о которой рассказывают детям. Улица, которая появляется только перед теми, кому она нужна. Улица с лавкой, где продаются забытые вещи. Улица, которой, по мнению всех разумных людей, не существует.

Но месяц назад в газетах писали, что существует. Что её восстановили в земельном реестре. Что там поймали каких-то торговцев краденым лунным серебром. А потом, всю зиму, — что-то про пекарню, про пожар, про дракона, которого регистрировала Палата огненного надзора. Я читала эти заметки урывками, в перерывах между работой, и думала: какая чушь. Какая милая, бесполезная чушь. Драконы. Лавки забытых вещей.

А ещё — я помнила — бабушка рассказывала.

Бабушка Луиза Сорель. Маленькая, сухая, в чёрном кру-

жевром чепце, с руками, которые никогда не лежали без дела. Она рассказывала мне на ночь, когда мне было лет шесть: «А наша прабабка, Жозефина, держала гостиницу. На улице Трёх Лун. Там двери открывались в разные места. Откроешь шкаф — а там море. Откроешь чулан — а там горы и снег. Гости приезжали из таких краёв, которых нет на картах. А Жозефина всех встречала, всех селила, всех кормила. И никто никогда не уходил недовольный».

«А почему мы там больше не живём?» — спрашивала я.

«Потому что двери закрылись, — говорила бабушка. — И гостиница уснула. А мы ушли. Спи, Сашенька».

Я считала это сказкой. Как и все в Лавье.

Я сломала печать.

«Уважаемая госпожа Вейн!

Сообщаю Вам, что в соответствии с завещанием Жозефины Сорель, составленным двести четырнадцать лет назад и хранящимся в особом фонде Земельной управы, Вы являетесь единственной ныне живущей наследницей по прямой линии и, следовательно, владелицей здания гостиницы «Три Луны» по адресу: улица Трёх Лун, дом 13, со всем имуществом, обязательствами и постояльцами.

Прошу Вас явиться для вступления в права наследства в любое удобное для Вас время. Улица Вас найдёт.

С уважением,

Д. Вель, нотариус».

«Со всем имуществом, обязательствами и постояльца-

ми».

Я перечитала письмо трижды. Потом положила его на колени. Посмотрела в окно-колодец, где солнце уже ушло.

Гостиница.

Мне досталась гостиница.

Я ушла из «Короны» сегодня утром, и мне не дали даже места горничной. А вечером мне достаётся гостиница.

«Со всем имуществом, обязательствами и постояльцами».

Обязательствами.

Я знала, что значит это слово. Два года я знала, что значит это слово. Это слово означало: долги, которых ты не делала. Счета, которых ты не видела. Проценты, которые растут, пока ты спишь.

Я сложила письмо обратно в конверт. Убрала в сундук. Закрыла крышку.

Нет.

Нет. Хватит. Я не хочу гостиницу. Я хочу комнату. Маленькую, свою. Работу — нормальную, с жалованьем. Выходной раз в неделю. Восемь часов сна. Я хочу проснуться утром и не думать о том, сколько стоит бельё, протекает ли крыша и не сбежал ли повар. Я восемь лет думала об этом. А последние два года — о том, как не умереть с голоду. Хватит.

Я легла. Не раздеваясь. Закрыла глаза.

Не спалось.

Я лежала и смотрела в потолок. На трещину, которая шла

от угла к лампе. Я знала эту трещину наизусть. Я знала, сколько в ней изгибов. Семь.

Обязательствами.

Жозефина Сорель всех встречала, всех селила, всех кормила. И никто никогда не уходил недовольный.

Двести четырнадцать лет.

«Улица Вас найдёт».

Я встала. Открыла сундук. Достала письмо. Перечитала ещё раз.

Потом достала чемодан.

* * *

Чемодан у меня был один. Большой, кожаный, с медными уголками. Мы купили его с Жюльеном в наше первое лето — на свадебное путешествие к морю, на юг, в Сен-Мор. Жюльен выбирал его в магазине полчаса, придиричливо, щёлкая замками, проверяя швы. Сказал: «Он нас переживёт, Саша». Чемодан пережил его. Сейчас он был потёртый, исцарапанный, углы облезли, одна застёжка держалась на честном слове. Я его не продала. Единственное, что не продала. Не потому, что жалко. Потому что за него дали бы две кроны, а купить новый стоило бы пять.

Я сложила вещи. Их было немного. Три платья — серое, тёмно-синее и чёрное. Бельё. Две пары туфель. Шаль. Расчёски, шпильки, зубной порошок. Шкатулку для рукоделия. Расходную книгу — толстую, в коленкоровом переплёте, куда я два года записывала каждый медяк. Расписку Лафита.

Письмо.

Чемодан закрылся с первого раза. Даже застёжка.

Я спустилась вниз. Отдала ключ хозяйке, госпоже Гюро. Заплатила за неделю вперёд — на всякий случай, если придётся вернуться.

— Уезжаете, госпожа Вейн? — спросила госпожа Гюро.

— Ненадолго. Посмотреть на наследство. Это временно.

И вышла на улицу.

* * *

Я не знала, куда идти.

Улица Трёх Лун. Дом четырнадцать. Где это?

В газетах писали: «за аркой, у Медного квартала». Но я знала Медный квартал. Я заказывала там медные кастрюли для кухни «Короны». Там не было никакой арки, кроме арки над въездом в Медную улицу — обычной, кирпичной, с облезлой афишей цирка братьев Луэн, которую никто не снимал, кажется, лет двадцать.

Я дошла до Медной. Пешком, с чемоданом — на извозчика жалко было денег. Через весь город. Это заняло час. Чемодан оттягивал руку. Застёжка таки сломалась на полпути, и пришлось перевязать его шалью.

Арка была на месте. Кирпичная. С афишей.

Я остановилась перед ней. Поставила чемодан.

Афиша цирка братьев Луэн. «Только одну неделю! Летящие акробаты! Дрессированные медведи! Человек-змея!» Поверх кто-то наклеил полоску бумаги, от руки: «Не послед-

няя неделя».

Я смотрела на эту афишу. На облупившуюся краску. На кирпичи.

Это стена. Просто стена. Никакой улицы.

Я так и знала.

Я так и знала, и мне было стыдно, что я поверила. Что я, взрослая женщина, тридцати шести лет, вдова, бывшая управляющая лучшей гостиницей Лавье, — поверила в сказку, которую бабушка рассказывала мне на ночь. Пошла через весь город с чемоданом, перевязанным шалью. К стене с цирковой афишей.

Я наклонилась за чемоданом.

И услышала, как где-то за стеной — далеко, тихо — хрипло кричит сорока.

Я выпрямилась.

Афиша была на месте. Кирпичи были на месте. Но в стене, ровно посередине, там, где у арки должен был быть проход, — был проход.

Я не видела, как он появился. Я просто посмотрела — а он есть. Как будто был всегда, а я не замечала. Узкий, сводчатый, тёмный. И в его конце — свет. Утренний. Серый, мягкий, весенний. И запах.

Хлеб. Свежий хлеб. И кофе. И что-то ещё — мокрая черепица, талая вода, дым из трубы.

Я взяла чемодан. И вошла.

* * *

Улица оказалась узкой, мощёной, кривой. Двенадцать домов по одной стороне — или около того, я не считала. Старые, разные, разноцветные: один — с синими ставнями, другой — с геранью в окнах, третий — с вывеской «Чайная», четвёртый — с огромной позолоченной вывеской «ПЕКАР-НЯ ФЕРН» и очередью у крыльца. Очередь стояла вдоль белой линии, нарисованной на брусчатке. По одному. Аккуратно. Как будто кто-то её размечал.

На коньке крыши пекарни лежал дракон.

Я остановилась.

Это был настоящий дракон. Не барельеф, не флюгер, не вывеска. Живой, золотой, сияющий в утреннем свете так, что больно было смотреть. Величиной с хорошую карету. Свернувшийся вокруг трубы, как кот вокруг печки. Одно крыло свешивалось над вывеской, прикрывая её от капли. На голове у дракона сидела сорока.

Сорока посмотрела на меня. Чёрным круглым глазом. Оценивающе.

Дракон приоткрыл один глаз — огромный, рыжий, горящий — и тоже посмотрел на меня.

Я сказала себе: Александра. Ты не спала двое суток. Ты отдала последний долг. Тебе отказали в месте горничной. Ты прошла через весь город с чемоданом. У тебя галлюцинация. Это нормально. Это бывает от переутомления.

Дракон закрыл глаз. Сорока сказала хрипло, на всю улицу: — Новенькая!

И улетела.

Я пошла дальше. Мимо очереди — люди в ней оборачивались на меня, но ничего не говорили. Мимо лавки с синей дверью и табличкой «Лавка забытых вещей. Оценка, покупка, продажа. Лорис». Мимо чайной, откуда выглянула полная пожилая женщина в чепце и уставилась на меня с откровенным, неприкрытым, жадным интересом. Мимо дома с медной табличкой «Мастер-артефактор. Лицензия Гильдии 1».

В конце улицы стояла гостиница.

Я узнала её сразу. Не потому, что видела раньше. Потому что больше ей здесь быть было негде.

Три этажа. Тёмный камень, почти чёрный от времени. Острая крыша с флюгером — три диска на шпиле, один над другим. Узкие высокие окна, заколоченные досками крест-накрест. Широкое крыльцо в пять ступеней. Дверь.

Зелёная.

Облупившаяся, выцветшая, цвета старого мха. С ручкой в виде лапы — звериной, когтистой, медной, позеленевшей. Лапа сжимала шар.

А над дверью, на старых ржавых крюках, висела вывеска.

Дубовая. Тёмная. С резным бордюром — переплетающиеся дороги, расходящиеся во все стороны, как лучи. В середине — позолоченные буквы:

«ГОСТИНИЦА ТРИ ЛУНЫ».

И под ними — три круга. Серебряный. Золотой. Чёрный.

Я поставила чемодан на брусчатку. Он накренился — сломанная застёжка — и я машинально поправила его ногой.

Долго стояла. Смотрела.

Окна заколочены. Крыльцо — в трещинах, на второй ступеньке нет куска камня. Водосток оторван и висит, раскачиваясь на ветру. На крыше не хватает черепицы — я насчитала одиннадцать дыр только с этой стороны. Флюгер покоился. Ставни на втором этаже — одна висит на одной петле.

Тридцать две комнаты, говорила бабушка. Или тридцать три. Она путалась.

Я посмотрела на письмо, которое держала в руке. «Со всем имуществом, обязательствами и постояльцами».

Посмотрела на дверь.

В голове само собой, помимо моей воли, начало складываться. Крыша — сорок крон минимум, если черепица местная. Водосток — пять. Крыльцо — восемь, если найти каменщика. Окна — снять доски, проверить рамы, наверняка сгнили, значит, по три кроны за окно, а окон тут... я посчитала... двадцать четыре на фасаде. Семьдесят две кроны. Только окна. Только фасад. Не заглядывая внутрь.

У меня было четыре кроны и шесть серебрушек. Всё. После Лафита.

Я услышала шаги за спиной. Двое. Лёгкие, быстрые — и ещё одни, ровные, чуть тяжелее. Остановились рядом.

Я обернулась.

Две женщины. Одна — молодая, рыжая, круглолицая, в

веснушках, в белом фартуке, перепачканном мукой и с ней же на руках и даже на носу. Глаза — карие, тёплые, любопытные, сочувствующие. Другая — постарше, чуть моложе меня, может, лет тридцать. Тёмные волосы, строго убранные. Тёмное платье — простое, хорошо сшитое. Карандаш за ухом. Лицо — спокойное, внимательное. Глаза — серые, оценивающие. Так смотрят на вещь, прежде чем назвать цену.

Обе смотрели на меня. Потом — на гостиницу. Потом — снова на меня.

Я посмотрела на конверт в своей руке. «От нотариуса Д. Вель».

Потом подняла глаза на вывеску. На три луны. На зелёную дверь с медной лапой.

Потом — на них.

И сказала — очень спокойно, очень вежливо, тем голосом, которым говорят люди, исчерпавшие весь запас удивления на ближайшие десять лет:

— Только не говорите мне, что это опять наследство.

Женщины переглянулись.

Темноволосая посмотрела на меня. Долго. Профессионально.

— Хуже, — сказала она.

Я перевела взгляд на рыжую.

Рыжая смотрела на меня с каким-то странным выражением. Сочувствие. Веселье. И ещё что-то — как будто она ви-

дела во мне себя, полгода назад.

— Гораздо хуже, — сказала рыжая.

Я закрыла глаза.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

Так меня учила мама. Когда хочется кричать — посчитай до пяти. Когда хочется плакать — посчитай до пяти. Когда хочется убить пьяного барона из двадцать третьего — посчитай до пяти, а потом вежливо попроси его покинуть гостиницу.

На «пяти» из-за зелёной двери раздался грохот.

Страшный. Оглушительный. Будто внутри, на всех трёх этажах разом, рухнуло всё, что могло рухнуть: шкафы, кровати, лестницы, люстры. И что-то ещё — что-то, чего я не могла опознать. Низкий, протяжный, рокошующий звук. Как прибой. Как шторм. Как ветер, который дует не отсюда.

Медная лапа на двери дрогнула. Шар в её когтях сам собой повернулся — на четверть оборота.

С вывески посыпалась пыль. Прямо мне на шляпку.

Где-то за спиной, в другом конце улицы, пронзительно закричала сорока. Что-то большое и золотое на крыше пекарни подняло голову.

Я открыла глаза. Очень медленно.

Посмотрела на дверь.

Потом на рыжую.

Рыжая кивнула на гостиницу. С таким видом, будто это всё объясняло.

— Видишь? — спросила она.

Я стряхнула пыль со шляпки. Аккуратно, двумя пальцами.

— Вижу. Ключ у вас есть?

Глава 2. Тридцать две комнаты

Ключ был у нотариуса. Нотариус жила в доме номер два. Нотариус уже шла к нам по улице.

Я ожидала увидеть кого-то вроде мэтра Бонифаса, который оформлял мне продажу дома на Липовой аллее: толстого, лысого, в бархатном жилете с цепочкой от часов, пахнущего табаком и сургучом. Или, раз уж «Д.», — какую-нибудь строгую даму средних лет в пенсне, с папкой и поджатыми губами.

Ко мне шла маленькая женщина с белыми волосами.

Совершенно белыми, гладко зачёсанными назад и собранными в тугий узел. Не седыми — именно белыми, как снег или как бумага. Тёмно-синее платье, строгое, старомодное, с высоким воротом. Шаль на плечах. Лицо — без возраста. Я не могла сказать, сколько ей. Пятьдесят? Семьдесят? Сто? Морщин почти не было, но глаза — светлые, прозрачные, как вода в колодце, — были очень старыми.

На груди у неё висел медальон. Серебряный, с крошечной дверью на крышке.

Она остановилась у крыльца. Посмотрела на меня. На чемодан, перевязанный шалью. На шляпку в пыли.

— Александра Сорель, — сказала она. Не спросила.

— Вейн, — поправила я. — По мужу. Сорель — по рождению.

— Сорель, — повторила она, будто не слышала поправки.
— Вы похожи на Жозефину. Подбородок. И то, как вы стоите. Она тоже так стояла, когда считала в уме.

— Я не считаю в уме.

— Считаете. Крышу. Окна. Крыльцо. Я вижу.

Я промолчала. Потому что она была права. Я дошла до водостоков.

— Дария Вель, — представилась она. — Нотариус. Я вам писала.

— Я получила письмо.

— Вы пришли быстро, — она чуть заметно улыбнулась.
— Обычно приходят через неделю. Или через месяц. Вера пришла через день. Лидия — через ночь, но она не по письму пришла, а выносила мусор. А вы — через три часа.

— У меня было свободное утро.

Рыжая за моей спиной издала странный звук — что-то среднее между смешком и всхлипом. Темноволосая промолчала, но я почувствовала, как она на меня смотрит. Внимательно. С интересом.

Дария Вель достала из кармана ключ.

Большой. Старый. Бронзовый, позеленевший, с бородкой сложной формы и кольцом, в которое было вплетено что-то вроде трёх кружков. Она держала его на раскрытой ладони, не протягивая.

— Прежде чем возьмёте, — сказала она, — должна предупредить. Как нотариус. Наследство можно принять. Мож-

но отказаться. Если откажетесь — гостиница останется пустой. Как была. Ещё лет двадцать. Или сто. Пока не найдётся кто-то ещё. Если примете...

— Обязательства, — догадалась я. — Постояльцы.

— Да.

— Какие обязательства?

Дария Вель посмотрела на меня.

— Налог на землю — Улица не платит, по хартии. Долгов у гостиницы нет. Всё оплачено. Жозефина оставила её чистой, — пауза. — Обязательство одно. Принимать тех, кто приходит с дороги. Всех. Не выбирая.

— С какой дороги?

— С любой.

Я ждала продолжения. Продолжения не было.

— А постояльцы?

— Один. Он сам представится.

— Он живёт там? Сейчас? — я посмотрела на заколоченные окна. — Как?

— Хорошо живёт. Тихо. Платит исправно. Вы с ним поладите. Или нет, — она протянула мне ключ. — Берёте?

Я смотрела на ключ.

Рыжая за спиной перестала дышать. Темноволосая — кажется, тоже.

Я подумала о комнате на Кривом переулке. Двенадцать квадратных шагов. Трещина на потолке с семью изгибами. Солнце — сорок минут в день. Оплачено на неделю вперёд.

Я подумала о молодом человеке с напomaженными волосами. «Видите ли». «Я лично очень сожалею».

Я подумала о бабушке Луизе в чёрном кружевном чепце. «А Жозефина всех встречала, всех селила, всех кормила».

Я взяла ключ.

Он был тёплый. Как будто его долго держали в руке. Хотя Дария держала его не больше минуты.

— Временно. Посмотреть. Я ничего не решила.

— Разумеется.

Рыжая всё-таки засмеялась.

* * *

Их звали Вера и Лидия. Вера держала лавку забытых вещей — ту, с синей дверью, — и говорила мало, ровно, с лёгким незнакомым акцентом, как будто родилась не здесь. Лидия держала пекарню — ту, с драконом на крыше, — и говорила много, быстро, эмоционально, тоже с акцентом, тем же самым. Обе, как я поняла из пары фраз, были не из Лавье. Откуда — не сказали. Я не спросила. У меня было правило: не задавать вопросов, на которые не готова услышать ответ.

Обе пошли со мной. Я не просила. Они просто пошли.

— Вы же не будете одна туда заходить, — сказала Лидия. Утверждающе. — После такого грохота? Одна? Ни за что. Вера, скажи ей.

— Она взрослая женщина, — сказала Вера. — Она сама решит.

— Вот я и говорю — она не будет одна заходить.

Я посмотрела на них. На рыжую в муке. На темноволосую с карандашом за ухом.

— Благодарю. Буду признательна.

Ключ повернулся в замке легко. Неожиданно легко для двери, которая, если верить вывеске и облупленной краске, не открывалась лет двадцать. Механизм щёлкнул — мягко, масляно, как в хорошем сейфе. Медная лапа под моей рукой оказалась тёплой.

Я толкнула дверь.

* * *

Первое, что я почувствовала, — запах.

Не пыль. Не сырость. Не плесень — хотя всё это тоже было, конечно. Под всем этим, глубже, сильнее — соль.

Морская соль. Йод. Водоросли. Мокрый песок. Так пахнет на пристани в Сен-Море, куда мы ездили с Жюльеном в наше первое лето. Так пахнет утро у моря, когда отлив.

Я остановилась на пороге.

Холл был огромный. Больше, чем казалось снаружи. Гораздо больше. Высокий, в два этажа, с галереей по второму ярусу, с широкой парадной лестницей посередине, которая расходилась наверху на два крыла. Пол — мраморный, в шахматную клетку, чёрное с белым, под слоем пыли толщиной в палец. Стены — деревянные панели, тёмный дуб. Камин — огромный, в рост человека, с резной полкой. Конторка портье у левой стены — длинная, полукруглая, из того же дуба, с медными уголками и десятками маленьких ячеек

для ключей позади неё.

А посреди холла, на шахматном полу, лежала люстра.

Огромная. Бронзовая. Позеленевшая. Ярусов в пять, с сотней рожков, хрустальными подвесками — когда-то хрустальными, сейчас просто грязными стекляшками, разлетевшимися во все стороны. Цепь, на которой она висела, лежала рядом, змеёй, ржавая, с разорванным звеном. Мрамор под люстрой треснул звездой.

— Вот он, грохот, — сказала Лидия тихо.

— Не весь, — сказала Вера. Она смотрела не на люстру.

Я проследила за её взглядом.

Возле люстры, на чёрно-белых клетках, растекалась лужа.

Вода. Прозрачная, чуть зеленоватая. Пахнувшая солью. В ней плавали пряди водорослей — тёмно-зелёных, длинных, как волосы. И песок. Белый, мелкий, тёплый — я наклонилась и потрогала: тёплый. Как будто только что с солнца.

А в самой середине лужи, раскинув лучи, лежала морская звезда.

Оранжевая. Живая. Она медленно, едва заметно шевелила одним лучом.

Я выпрямилась. Достала из сумочки записную книжку и карандаш. Открыла на чистой странице.

«Холл. Люстра упала. Цепь — проржавела, разрыв звена. Пол — трещина под люстрой. Лужа — морская вода, водоросли, песок. Звезда — 1 шт., живая».

Подумала. Дописала:

«Источник воды — не установлен».

Вера смотрела на меня. Внимательно. Очень внимательно-но.

— Вы всегда так? — спросила она.

— Как?

— Записываете.

— Если не записывать, — ответила я. — Забудешь. Если забудешь — не сделаешь. Если не сделаешь — к утру будет хуже.

Вера помолчала.

— Я понимаю, — произнесла она. И я почему-то поверила, что она действительно понимает.

Лидия тем временем присела у лужи на корточки. Осторожно взяла звезду в ладони, вместе с горстью воды.

— Её надо в море. Она же умрёт.

— Моря в Лавье нет.

— А откуда она тогда?

Я посмотрела на лужу. На песок. На водоросли. Потом — на лестницу, на галерею второго яруса, на коридоры, уходящие в темноту направо и налево.

— Сейчас узнаем.

* * *

Под парадной лестницей была дверь.

Я заметила её не сразу — она пряталась в тени, в нише, которую образовывал изгиб ступеней. Низкая, полукруглая сверху, из тёмного дерева, почти чёрного. Вся в резьбе. Резь-

ба — тот же узор, что на вывеске: дороги, переплетающиеся, расходящиеся во все стороны. А в центре двери — круг. Серебряный, вделанный в дерево. Внутри круга — три маленьких углубления. Как для ключей. Или для пальцев.

Ручки не было.

Я подошла. Протянула руку.

— Не надо, — сказала Дария Вель.

Она стояла на пороге холла. Не входила. Смотрела на меня — и на дверь под лестницей.

— Что это? — спросила я.

— Центральная дверь. Дверь Орианы. Не трогайте её. Не сейчас, — она помолчала. — Он вам расскажет. Если захочет.

— Постоялец?

— Постоялец.

— Где он?

— Где-нибудь здесь, — ответила Дария. И, кажется, это был исчерпывающий ответ.

Я опустила руку.

Но запомнила. Достала книжку и записала: «Под лестницей — дверь. Не трогать (со слов нотариуса). Выяснить».

* * *

Обход занял четыре часа.

Я делала опись. Всегда, в любой гостинице, первое, что нужно сделать, — опись. Что есть. Что сломано. Что пропало. Что нужно купить. Что можно продать. Без описи — ты

слепа. Ты не управляешь, ты барахтаешься.

Вера помогала. Молча, точно, профессионально. Она, оказывается, тоже умела делать опись — и делала её быстрее меня, бросая на каждую вещь один взгляд и называя цифру: «Комод, вишня, лет сто пятьдесят, ножка подклеена, крон двадцать». «Зеркало, венецианское, амальгама поплыла, восстановить — сорок, продать как есть — пятнадцать». «Ковёр — моль. Выбросить». Я записывала. Иногда переспрашивала. Она ни разу не ошиблась — я проверяла.

Лидия помогала иначе. Она отнесла морскую звезду в ведро с водой, которое нашла на кухне, и пошла следом за нами, заглядывая во все углы, ахая, охая, комментируя. «Ой, какие обои! С птичками!» «Ой, здесь мышь! Нет, две! Надо Апельсина позвать!» «Ой, а это что, камин? В каждом номере камин? Господи, это сколько дров!»

Сколько дров — это был правильный вопрос. Я записала.

Тридцать две комнаты. Номера с первого по тридцать третий. На трёх этажах, по два крыла на каждом — восточное и западное, коридоры от холла. На первом этаже, кроме номеров с первого по шестой, — кухня, столовая, прачечная, кладовые, контора администратора за конторкой. Подвал — винный погреб, угольный, ледник. На втором — с седьмого по двадцатый. На третьем — с двадцать первого по тридцать третий.

Каждый номер — пыльный, тёмный, с заколоченным окном. Мебель — под серыми чехлами. Кровати, шкафы, умы-

вальники, кресла, ковры, камины. Всё старое. Всё добротное. Почти всё — в порядке, если не считать пыли, моли и мышей.

Это было странно. Двадцать лет — или больше — пустое здание. Без отопления. Без присмотра. Я видела такие здания. В них гниёт всё. Обои отходят пластами, потолки проседают, полы вспучиваются, трубы лопаются в первую же зиму.

Здесь ничего не сгнило.

Как будто гостиница не умерла. Как будто она спала.

— Номер шестнадцать, — сказала Вера на втором этаже, в западном крыле. Открыла дверь. Заглянула. — Как все.

Я записала.

Следующая дверь была с номером «18».

Я остановилась.

— Подождите.

Вера обернулась.

— Шестнадцать, — сказала я, показывая назад. — Восемнадцать, — показала вперёд. — Где семнадцать?

Вера посмотрела на стену между двумя дверями. Гладкая. Дубовые панели. Ни двери, ни следа двери. Ни проёма, заложённого кирпичом. Ничего.

— Нумерация сбита, — предположила Лидия. — Бывает. У нас в Нижнем в доме не было тринадцатой квартиры. Суеверие.

— Тринадцатый номер здесь есть, — возразила я. — Я за-

писала. Первый этаж? Нет, второй. Восточное крыло. А семнадцатого нет, — я провела пальцем по своему списку. — Тридцать три номера по нумерации. Тридцать два — по факту. Одного не хватает. Семнадцатого.

Вера медленно подошла к стене. Положила на неё ладонь. Замерла — как-то особенно, будто прислушиваясь.

Потом отдёргнула руку.

— Там кто-то есть, — сказала она тихо.

Я посмотрела на стену. На гладкие дубовые панели.

— Там стена.

— Там кто-то есть, — повторила Вера. — За стеной. Я... я слышу. Вещи. Чашка. Книга. Перо. Кто-то пишет. Сейчас. Прямо сейчас.

Я не стала спрашивать, как она это слышит. Правило: не задавать вопросов, на которые не готова услышать ответ.

Я достала книжку и записала: «Номер 17 — отсутствует. Стена. Нумерация: 16, 18. Со слов В. — за стеной кто-то пишет».

Подумала. Дописала: «Постоялец?»

* * *

Номер восемь был на втором этаже, в восточном крыле.

Я открыла дверь.

И зажмурилась — так резко ударил свет. Не серый, весенний, лавьерский — а яркий, слепящий, белый с золотом. Жара. Сразу, волной, в лицо. И шум — ровный, мерный, рокочущий. И ветер — тёплый, солёный, влажный, пахнущий

йодом и цветами, которых я не знала.

Я открыла глаза.

За дверью номера восемь был пляж.

Белый песок. Бесконечный, сверкающий, ослепительный. Пальмы — такие, как те, что умирали у нас в зимнем саду «Короны», только живые, огромные, с листьями, которые качал ветер. Небо — синее, такое синее, какого не бывает в Лавье никогда. И море. Бирюзовое у берега, тёмно-синее дальше, с белыми гребнями волн, которые набегали на песок и откатывались, набегали и откатывались, с тем самым рокошущим шумом.

На песке, у самого порога — у самого порога номера восемь, где кончился дубовый паркет и начинался песок, — лежала морская звезда. Оранжевая. Такая же, как та, что в холле.

Я стояла на пороге. Ветер шевелил мне волосы под шляпкой. Подол платья стал тёплым от солнца.

За моей спиной Лидия выдохнула:

— Ох ты ж...

Вера не сказала ничего.

Я смотрела на море. Долго. Секунд десять. Может, двадцать.

Потом закрыла дверь.

Тихо. Аккуратно. Как закрывают дверь в номер, где спит гость.

В коридоре было темно, пыльно и прохладно. Пахло мы-

шами.

Я постояла. Сосчитала до пяти.

И снова открыла дверь.

За дверью был номер. Обычный. Пыльный. Тёмный. С заколоченным окном, кроватью под серым чехлом, умывальником, креслом у камина. На полу — у самого порога — немного песка. Белого. Мелкого. И больше ничего.

Я закрыла дверь.

Достала книжку. Открыла. Нашла строчку «Номер 8».

И записала, ровным почерком, без единой пометки:

«Дверь 8. Вызвать мастера».

Поставила точку.

Убрала книжку в сумочку.

Обернулась.

Вера и Лидия смотрели на меня. Обе. С одинаковым выражением на очень разных лицах.

— Что? — спросила я.

— Вы... — начала Лидия. — Вы просто... записали? «Вызвать мастера»? Там же море! Там... там пальмы! Там другой мир, наверное! А вы — «вызвать мастера»?

— А что, по-вашему, нужно было сделать?

Лидия открыла рот. Закрыла.

— Ну... — замялась она. — Ну, закричать. Упасть в обморок. Заплакать. Я бы заплакала. Я плакала, когда в первый раз дракона увидела. И когда Ренара. Ну, от злости, но всё равно.

— Это неисправность двери. Дверь открывается не туда, куда должна. Значит, нужен мастер. Который знает, как это чинить.

— А если такого мастера нет?

— Тогда я его найду. Или научусь сама.

Вера смотрела на меня. Долго. Своими серыми, оценивающими глазами.

И вдруг — чуть заметно — улыбнулась.

— Элиза. Мастер-артефактор. Дом напротив пекарни. Лицензия номер один. Она чинит всё. Даже то, что не чинится.

— Благодарю. Я её навещу, — и записала: «Элиза. Артефактор. Напротив пекарни».

Вера кивнула. И сказала Лидии, тихо, но я услышала:

— Она мне нравится.

— Мне тоже, — шепнула Лидия. — Только она страшная немножко.

— Это хорошо, — сказала Вера. — Здесь нужна страшная.

* * *

К вечеру я сидела в конторе администратора, за конторкой, на скрипучем стуле, и смотрела на свои записи.

Четырнадцать страниц мелким почерком.

Вера ушла — её ждала лавка. Лидия ушла — её ждало тесто на завтра. Перед уходом она принесла мне корзинку: хлеб с тмином, ещё тёплый; пирожки с капустой; кусок сыра;

яблоко; бутылку молока. «Вы ж не ели, — сказала она. — Я вижу. Вы такая же, как Вера. Обе не едите. Ешьте. Я завтра ещё принесу». Я хотела сказать, что заплачу, — но она уже ушла, хлопнув дверью.

Я съела пирожок. Потом второй. Потом, не заметив как, половину хлеба.

Это был лучший хлеб, который я ела в своей жизни. А я восемь лет пробовала хлеб от лучших пекарей Лавье для ресторана «Короны».

Потом я сидела и считала.

Крыша — сорок крон. Водостоки — пять. Окна — семьдесят две, это только фасад; со двора ещё двадцать окон, итого сто тридцать две. Крыльцо — восемь. Люстра — поднять, повесить на новую цепь, отмыть, заменить подвески — пятнадцать, если подвески не хрусталь, сорок — если хрусталь. Пол в холле — трещина, заменить плиты — десять. Ковры — моль, выбросить три четверти, новые — сто крон минимум. Бельё — нет. Совсем нет. Шкафы в кастелянской пустые. Тридцать два номера, по два комплекта на номер, плюс запас — сто комплектов. По три серебрушки... нет, хорошее бельё — по пять. Пятьдесят крон. Посуда — есть, но половина битая. Кухня — плита огромная, но не топлена двадцать лет, надо проверить дымоход. Дрова на тридцать два камина. Уголь. Свечи — или ламповые камни, если на улице они есть. Персонал: портье, горничные, повар, посудомойка, прачка, истопник, посыльный — минимум восемь человек,

по пять крон в месяц каждому, и это скромно.

Я сложила всё.

Шестьсот сорок крон. Чтобы открыться. Хоть как-то. Не роскошно — просто прилично.

У меня было четыре кроны и шесть серебрушек.

Я положила карандаш. Откинулась на спинку стула. Стул скрипнул.

За окнами — заколоченными, но с щелями между досками — темнело. В щелях загорелся жёлтый свет — фонари на улице. Где-то вдалеке, в другом конце улицы, хрипло ругалась сорока, и кто-то огромный — дракон? — отвечал ей ворчанием, от которого дрожали стёкла.

Шестьсот сорок крон.

Два года я отдавала семьсот четыре. Теперь мне нужно найти шестьсот сорок.

Я закрыла глаза.

Это временно, сказала я себе. Посмотрю. Посчитаю. Пойму, что это невозможно. Отдам ключ Дарии Вель. Вернусь на Кривой переулок — оплачено на неделю вперёд. Пойду в «Белый лебедь». В «Приют путника». К вдове Пуаре экономкой. Восемь часов сна.

Это временно.

Я встала. Взяла масляную лампу, которую нашла в конторе и заправила маслом из кладовой. Пошла наверх — искать комнату, где можно переночевать. Номер первый на первом этаже был ближе всего к конторе, но там был сломан замок.

Номер второй — протекал потолок. Я поднялась на второй этаж.

И в западном коридоре, проходя мимо гладкой стены между шестнадцатым и восемнадцатым, — остановилась.

Из-под стены пробивался свет.

Тонкая полоска. Тёплая, жёлтая, ровная. Внизу, у самого пола, там, где дубовые панели сходились с паркетом. Как из-под двери.

Двери не было. Была стена.

А из-под неё — свет. И тихий звук. Скрип пера по бумаге.

Я стояла с лампой в руке и смотрела на эту полоску.

Потом подняла руку. Подумала. И постучала.

Три раза. Вежливо. Костяшками пальцев. Прямо в дубовую панель.

Скрип пера прекратился.

Тишина.

А потом — изнутри, из-за стены, из-за несуществующей двери — мужской голос. Низкий, спокойный, с очень странным, мягким, незнакомым акцентом:

— Войдите.

Я посмотрела на стену.

На ней была дверь.

Тёмная. Дубовая. С медной табличкой. С медной ручкой. Как будто всегда была.

На табличке, тонкой гравировкой:

«17».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.